

18+

Река и мальчик

Алексей Алейников
рассказы

Алексей Алейников

Река и мальчик. Рассказы

«Издательские решения»

Алейников А. В.

Река и мальчик. Рассказы / А. В. Алейников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-566557-7

Сборник увлекательных и интереснейших рассказов. Книга наполнена неподдельными, живыми эмоциями автора, его переживаниями и глубокими философскими мыслями.

ISBN 978-5-00-566557-7

© Алейников А. В.
© Издательские решения

Содержание

Река и мальчик	6
Утомлённая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Река и мальчик

Рассказы

Алексей Васильевич Алейников

Редактор Юлия Вячеславовна Соколова

Фотограф Татьяна Марковна Антонова

Дизайнер обложки Юлия Вячеславовна Соколова

Корректор Сергей Анатольевич Смирнов

© Алексей Васильевич Алейников, 2022

© Татьяна Марковна Антонова, фотографии, 2022

© Юлия Вячеславовна Соколова, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0056-6557-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Река и мальчик

Когда я подросток настолько, что мог уже самостоятельно передвигаться на четвереньках, мои родители взяли за правило на весенне-летний период отправлять меня к деду в деревню. Оно и понятно: первые послевоенные годы, в городе жилось скудненько и голодно. А у дедули в деревне корова, куры, пчелы. Ну и в огороде всякое растёт. Хлеб бабушка свой пекла. А в речке, тогда ещё чистой и прозрачной чуть ли не до дна, рыбы и раков – не переловить. А воздух!!! Теперь такого нет. Ушёл в космос через озоновые дыры. На всем этом рос я мальчиком не хилым, копил силёнки на случай, когда жизнь начнет довлеть. И с этим она не замедлила. Воспитывал меня дед в рамках принятых в деревне традиций, сызмальства приобщая к радостям и заботам крестьянской жизни, и я воспринимал это, как нечто нормальное и естественное.

Однажды дед взял меня на рыбалку. Удочка – таких теперь и в музее не найдёшь. Леска, помнится, из втрое скрученного конского волоса, удище из ракушечника, поплавки – гусиное перо в винной пробке, один только крючок фабричный. Но улов был знатный. Лихо у меня получалось. Хорошо я ловил момент, когда подсекать нужно. Много я плотвичек и окунчиков натаскал. Ещё бы, при такой прорве рыбы в речке! Домой идем, дед всю рыбу мне отдал нести. Ташу, два кукана с уловом чуть не по земле волоку. Навстречу деревенские попадаются и ну меня нахваливать: вот это рыбак! Не смотри, что мал, а наловил столько, что и взрослому не всегда такая удача. А дед поддакивает: ловкий малец, меня за пояс заткнул. И я очень собою гордился.

Подсел я на это дело. Каждый день на рыбалку прошусь. Без речки мне уже и жизнь не мила. А дед: занят, мол, дел непростых поважнее рыбалки, но если я ему помогу...

– Помогу, конечно, что делать-то?

– Ну, для начала смотри: видишь, кукуруза растёт. Нижние отростки – пасынки – не нужны, только соки берут, которые для початков нужны. Вот ты их и обломай, и снеси к сараю. Потом покормишь коровку вечером, а она нам за это – молока. А когда закончишь с пасынками, тогда и на речку сходим.

Принялся я за дело рьяно, но скоро выдохся. Кукурузная плантация у деда о-го-го! А как же – всю живность надо кормить: и кур, и гусей, и уток, да и сам я вареную кукурузу ел с удовольствием. Но не лёгкое это оказалось дело – в жару, на солнцепеке ломать и таскать эти самые пасынки, которых зачем-то столько понаросло. А тут ещё комары, слепни, оводы на тебя пикируют, так и норовят кровь из тебя выпить. А в это время в прохладных, ласковых речных струях рыба ждёт, дожидаться не может его червячка...

Кое—как полплантации я осилил. Дед надо мною сжалился и разрешил на следующий день закончить.

С тех пор так оно и повелось: хочешь у речки прохладиться – сначала в огороде попотей. А потеть было над чем. В любое время у деда для меня готова работёнка. То что-то прополоть, то кого-то покормить, напоить, то огурцы полить, помидоры и прочее, растущее на необъятном огороде. Так и усвоил я истину: за удовольствие, частенько и небольшое вовсе, платить приходится напрягом на пределе сил. Жизнь довлела, а я потихоньку привыкал, так как деваться все равно было некуда. Давно уже мне внушили: кто не работает, тот не ест. Вскоре на речку я уже без деда бегал. Некогда ему было меня сопровождать. Но обязательно я должен был отработать свой детский трудовень или трудовечер, а чаще всего то и другое.

По сравнению с городскими деревенские ребяташки того же возраста обычно гораздо самостоятельнее. Взрослым нянчиться с ребятнёй особо было некогда. С раннего утра и до лучины, которую я ещё помню, взрослые безотрывно включены в устоявшийся распорядок дел, логически следовавших одно за другим. Крестьянские дети сызмальства при-

мают участие практически во всех сезонных работах, и присмотр за ними только по ходу дел. А уж на речке, ребяташки сами друг за дружкой присматривали. По двое, по трое, мал-мала меньше, чуть не каждый день пытали они на речке рыбацкое счастье, а к обеду, обычно, собирались на деревенской купальне, чтобы обсудить новости, похвастаться фантастическими уловами, а также вволю пошалить и порезвиться в воде. С незапамятных для каждого времен все умели плавать, и за все мои счастливые годы, проведенные у деревенской речки, я не помню случая, чтобы кто-то из детей утонул. Ну, да и речка наша была, можно сказать, невеличка, со спокойным равнинным течением и утонуть в ней было не так просто, как в быстрых полноводных реках с порогами и перекатами. Все же одного меня рыбачить отпускали неохотно, мало ли что...

Случилось так, что именно на рыбалке я столкнулся с чудовищной для моего детского сознания несправедливостью и познал смертную обиду. В доме, неподалеку от нашего, жил со своей семьей Витёк, постарше меня на пару лет и по части рыбалки признанный среди детворы авторитет. Как-то днем он сказал мне, что они с отцом собираются вечером рыбачить.

Я тут же с просьбой: и меня возьмите. Пусть твой отец попросит деда меня с вами отпустить.

У меня, помнится, перерыв был в несколько дней: припахал меня дедуля, и на рыбалку мне страсть как хотелось.

– Я вам и рыбу пойманную отдам, – пообещал я, – только с собой возьмите. Азартный я был, и уже тогда процесс представлялся мне интереснее результата. Дед согласился, но тут же и подзапряг: успеешь огород полить, тогда пойдешь. Редко когда я так старался. Воду таскал по полведра в каждой руке, больше было не осилить, а уж сколько я ходок сделал – я тогда и цифр таких не знал.

Вот уж и соседи у плетня показались, а я еще червей не накопал, и удочку не проверил.

– Ладно, – говорят, – червей у нас с запасом, а удочку, если что, мы тебе дадим.

И пошел я с ними навстречу моему великому несчастью.

Вечер был тихий, ясный, погода самая уловистая. Я был безмерно рад, что улизнул из дома и пребывал в состоянии счастливого предвкушения предстоящих поклевов и подсечек. Дойдя до речки, мы разошлись вдоль берега в пределах видимости друг друга и начали делать первые забросы. Клевало хорошо. В моем ведёрке уже плескались несколько плотвичек, красноперок и окуней размером со взрослую ладошку, когда клюнувшая рыба утащила крючок в камыши. Зацеп. Нужно было раздеваться, лезть в воду, нырять и освобождать крючок. Но как же неохота было это делать! И рыбу распугаешь, и роса уже на траве: вылезешь и будешь потом от холода зубами шелкать. Ну и понадеялся я на авось. Тяну, потягиваю полегоньку – авось отцепится. Дудки! – обрыв. А запасных снастей у меня никаких.

Спешил, не успел собрать. Иду к соседям. Так мол и так, выручайте. Выручили, конечно, но такой убогой удочки я еще в руках не держал.

Удилище – короткая, метра два, толстоватая палка, которой сподручнее было бы телят гонять. На толстой леске сидел тяжелый поплавок, а крючок – вообще позорный: раза в два больше нужного размера, тупой и ржавый. В те времена рыболовные крючки в деревнях были дефицит, ну и дали мне, что было. И сам я был виноват, что поленился и за своим хорошим крючком в речку не полез. Настроение у меня упало. В не объявленном, но всегда подразумеваемом между рыбаками соревновании я был обречен на неудачу. Делать, однако, было нечего, и не возвращаться же домой, едва начав рыбачить.

Но и на этот крючок рыба попадалась, хотя срывалась гораздо чаще. Клев по-прежнему был отменный. Я едва успевал менять обкусанных червей. Перемещаясь вдоль реки, мы подошли к тому месту, где к противоположному берегу близко подступал лес. Здесь река значительно сужалась и убыстрялась своим течением. Густая тень от деревьев ложилась на воду, ускоряя наступление сумерек.

Вода утратила свою прозрачность и прятала в потемневших глубинах волнующие тайны.

О катушках с запасом лески, которую можно было бы стравливать при необходимости, мы тогда и не слыхивали. Поэтому ловить в проводку там, где течение быстрое, тогда означало просто перемещаться по берегу вслед за уплывающим поплавком.

Иногда крючок с наживкой цеплялся за водоросли, и тогда леска натягивалась движущейся водой, а поплавок плавно уходил под воду. Ясно было, что это не поклевка. Водоросли были мягкие, не то, что ка-мыш или пористая окуга, и легкой подтяжкой крючок обычно освобождался от зацепа. Рыба в тот вечер клевала, как после строгого поста, и я не часто менял червей. Лишь бы что-то держалось на крючке. И был момент, когда я подумал заменить наживку, от которой почти ничего не осталось, но решил, что заброшу ещё разок. И вот я вижу, что поплавок плавно уходит под воду, как при обычном зацепе на быстрой воде. Хорошо, думаю, что червя не заменил. Сейчас бы его и попортил, освобождая крючок. Но к моему неудовольствию при потяжке крючок не освободился, и было явное ощущение, что на этот раз зацеп случился не за водоросли. Вот невезуха, думаю, наверно, корягу подцепил. Это было чревато незапланированным омовением. Чужой крючок оставлять в речке никак было нельзя. Я попробовал было слегка натянуть леску в направлении противоположном течению. Бывало, что так удавалось освободить неглубоко засеивший крючок. Не вышло. Но мне показалось, что коряга или, что там ни есть немного подалась в сторону берега. Так, думаю, может удастся потихонечку подтянуть ее поближе, где воды хотя бы по пояс, и тогда крючок можно было бы нащупать в воде, не окунаясь в нее с головой и освободить пальцами ноги.

Тяну по чуть-чуть, чтобы леска не лопнула – поддается, затем легче пошло, затем я вдруг почувствовал упругое подрагивающее сопротивление, а затем!!! – удочку едва не вырвало у меня из рук. На самом конце удилица было сучковатое утолщение, оно-то и задержало скольжение дерева в руках. И тогда я вдруг понял, что ЭТО не коряга, что ЭТО – ОНА!!! – МЕЧТА, томящая сердце каждого мальчишки, держащего удочку в руках, – НАСТОЯЩАЯ РЫБА, редчайшая удача, рассказы о которой входят затем в нетленные антологии рыбацких историй. Весь я превратился в бухающее о ребра сердце. Только не упустить! Только бы Она не сорвалась! Только бы не разогнулся крючок! Только бы не лопнула леска! Я же просто умру, если это случится!!!

Быстрым круговым движением я намотал леску на правую ладонь – детская глупость. Леска была толстая, но по тому, как она врезалась в ладонь и пальцы, я понял: рыбина, что надо!

К моему удивлению и счастью резких рывков больше не было, но пару раз леска натягивалась так, что нужно было упираться пятками, чтобы не дать рыбине утащить меня в воду. Затем неожиданно и к великому моему облегчению, натяжение ослабло. Так, теперь, отходя от воды, нужно подтягивать рыбу к берегу. Тянется!

Тянется! Будто кто-то мне помогает и подталкивает рыбу сзади. Да и тянуть-то нужно всего несколько метров.

Теперь быстрее, быстрее, чтобы по инерции протащить рыбу через траву у берега. И вот! О великое мое счастье!!! До последнего мгновения сердце моё томила и жгла неопределенность: что же там на крючке? Молнией мелькнула во время выуживания догадка – робкая надежда, но нет, не может быть... неужели ОН?! Но теперь я уже вижу: да, это действительно ОН – речной царь, кит донских наших речек – СОМ, СОМИЩЕ!!! Хищник, по странной прихоти позарился на кусочек обглоданного другими рыбешками червяка. Я хорошо его выудил. Он почти полностью был уже на берегу, и только концом хвоста мутил речную воду у самой кромки. Широкая плоская башка, такой же широченный рот, в верхней челюсти которого прочно засел крючок, шевелящиеся усищи, длинные, как шнурки от ботинок, и глазищи, выпученно и оторопело уставившиеся на меня – разве смогу я забыть когда-нибудь эту картину?! Коршуном кинулся я на это чудище, обеими руками ухватил его за жабы и, напрягшись, зата-

щил во впадину за бугорком, чтобы окончательно отрезать ему путь к родной стихии. И уже, выпуская его из рук, я вдруг осознал, что ору, ору во всю силу моих неразвитых детских легких, из самого сердца выпуская победный вопль. Не зная, что и думать, бежали на этот вопль мои сорыбачники. А когда прибежали, то обомлели от изумления.

– Как же ты его выволок?! – Обретя, наконец, дар речи, спросил Витькин отец.

– Вот, выволок, – только и сказал я.

Сом был хорош. Вообще-то для наших мест рыба эта обычная. Временами попадались в сети неплохие экземпляры. На удочку их тоже ловили, но на донки, которые оставляли на ночь, наживляя на крючки подкопченных лягушек или куриные потроха. Но чтобы вот так, «в дурика», на совершенно не предназначенную для ловли сома снасть, да еще на куцый огрызок червя сома вытащил не деревенский даже, а городской соплиивый мальчишка семи неполных лет!!! Такого в наших местах отродясь никто не помнил.

Охи и ахи длились долго. О продолжении рыбалки уже не было речи. Какое там! Витька с отцом замороженно, а я еще и с неопишуемой любовью, смотрели на пойманного речного раз-бойника. В тщетных попытках вернуться в родную стихию сом шевелил длинным хвостом и угрожающе раскрывал и закрывал свою широченную пасть. Я присел на корточки рядом и гладил его по покрытой слизью, гладкой, бесчешуйчатой спине, касался его шевелящихся усов и боязливо отдергивал руку, когда он раскрывал свою огромную пасть. Я готов был всего его расцеловать.

– Какой же ты молодец, что попался, – хотелось ему сказать.

Но вот я слышу голос Витькиного отца.

– Ну ладно, пацаны, пора, домой. Коль, ну мы, это... сома заберем. Уговор ведь был – рыбу нам отдашь. Да еще и на нашу удочку поймал. К нам как раз завтра из города родня приезжает. Так что очень кстати МЫ сома поймали. МЫ?!! Кто это МЫ? Я его поймал, – мелькнул вопрос-протест в моем изумленном сознании. Но озвучить его я не посмел. К взрослым меня уже приучили относиться почтительно и боязливо. И правда, ведь был уговор...

Я сам это предложил: так хотелось мне на рыбалку. И теперь я должен расстаться со своим красавцем – небывалым, неслыханным трофеем, уловом чемпиона...

То, что творилось в моей душе, описанию не поддается. В глазах закипали слезы, но от плача я все же удержался. Был бы я постарше, то мог бы, наверно, возразить, что договор имел в виду обычную рыбу, которую мы ловили каждый день. Вон она в ведре – забирайте, раз уж вы такие жлобы. Разве мог договор распространяться на такой уникальный, эксклюзивный, как теперь сказали бы, улов?! Но что мог противопоставить алчной воле взрослого человека ребенок, за которого некому было вступить. Родители были далеко, а дедуля с бабушкой – какие защитники? Сом фактически был уже не мой. Отстраненно и подавленно я смотрел, как Витькин отец деловито, с усилиями, выковыривал крючок, крепко засевший в верхней челюсти рыбы. Покончив с этим, он срезал ветку раkitника, а от нее отрезал два куса сантиметров по тридцать и соединил их обрезком крепкой веревки. Получился кукан.

Один конец его был просунут затем через жабры и рот, а на другом сом должен был держаться при переноске. Затем мы смотали удочки, слили из ведер с рыбой воду, накрыли ее листьями подорожника, растущего вокруг в изобилии, и выбросили в речку оставшихся червей. Можно было идти домой.

Впереди шел Витькин отец. Через плечо у него был перекинут кукан с моим трофеем. Витька нёс ведро с рыбой, которую по сравнению с сомом можно было назвать лишь жалкой мелочью. Голова сома покоилась у основания шеи несущего, а хвост болтался ниже места, где спина теряла своё благородное название. Время от времени хвост приходил в движение

и изгибался то вправо, то влево. Мы с Витькой шли сзади и молчаливо наблюдали агонию моего великана. Все равно он был МОЙ, МОЙ, только МОЙ, хотя и не мне достался.

Подошли к их дому. Витька забрал у меня удочку и ведро с тем, что теперь мне и рыбой называть не хотелось.

– Ну ладно, Коль, пока, – сказал, прощаясь, Витькин отец. Затем после короткой паузы добавил: – Ну, ты, это... приходи завтра к обеду на жареху, угостим тебя сомиком. В ответ я лишь тяжело и безнадежно вздохнул. Мысль, что моего «сомика» я больше не увижу и деду его не покажу, и не пушу его потом в бабушкино жестяное корыто, и не буду сидеть рядом с ним хоть до утра, пока не запомню каждое пятнышко на его боках и желтоватом брюхе, мысль эта была горькой. Скольких радостей, какого огромного счастья лишил меня этот взрослый! А еще не покидала мысль, что это несправедливо. Опять подступили слезы, и чтобы они не видели, как я плачу, я низко опустил голову на грудь и, ничего не ответив на приглашение, повернулся и зашагал к своему дому.

– Ну, как рыбалка? – спросил меня дед, увидев в дверном проеме. – Что-то ты рановато вернулся. В ответ из меня вырвалось что-то среднее между стоном и всхлипом. Я подбежал к своей кровати и бросился на нее лицом в подушку. Подушка заглушала рыдания, но плечи меня выдавали. Они ходуном ходили, и все мое маленькое тельце билось и трепетало. Дед подлетел к кровати.

– Колюнь, внучок, что случилось? Что там у вас стряслось?

Я не сразу смог ответить. Язык меня не слушался. И лишь спустя некоторое время, когда вылившиеся в подушку слезы принесли-таки какое-то облегчение, я выдавил из себя:

– Деда, я сома поймал, огромного! А они его забрали... А он же мой! Мой!

– Со-о-о-ма? – удивленно протянул дед. – Огромного?

– Да! Да! Огромного! – выкрикнул я почти со злостью, уловив в вопросе деда как бы даже недоверие. И тут же снова уткнулся в подушку, выплакивать свое такое горькое горе. Дед что-то говорил мне, пытаясь успокоить, но я был безутешен. Тогда он встал и вышел из дома, а в роли утешителя его заменила бабушка. Какое-то время дед отсутствовал, а я потихоньку приходил в себя. Вот он вернулся, сел за стол и посмотрел на меня взглядом заботливым и теплым.

– Деда, деда! Ты его видел? – Спросил я с надеждой.

Ответил дедуля не сразу. Видно неловко ему было меня разочаровывать.

– Не, внучок, не показали... Сказали, чего его смотреть? Сом я, что ли, не видел? Но раз не показали, значит, действительно крупняк. Может, самый большой был в нашей речке. Как только ты с ним справился? Это уж дедуля чтобы мне потрафить такое сказал. Но тогда я этого не понял. И давай захлеб ему рассказывать, как дело было.

– Несёт он, а сом его хвостом по жопе бьет. – Так, почти весело, закончил я свой рассказ.

Дед, не перебивая, выслушал меня, погладил мои белобрысины, приобнял и прижал к себе.

И не припомню даже, чтобы он раньше со мною в такие нежности пускался. Через вихры я чувствовал покалывание дедовой щетины – вечного украшения его подбородка. Но все равно мне это было приятно.

– Ладно, внучок, не расстраивайся. Сволочи они известные, жмоты и хапуги. Вся семейка у них такая: своего никогда не упустят и чужое при случае прихватят. Иди, бабушка тебя покормит, и отдыхай. Намайлся, поди.

Все еще похлупывая носом, я съел незатейливый деревенский ужин: большой ломоть белого, мягкого, душистого бабушкиного хлеба, запивая его парным молоком.

Долго в тот вечер я не мог уснуть. Секунда за секундой, хоть и немного их было, всё ведь очень быстро произошло, восстанавливал я в памяти мгновения моего поединка с самой крупной рыбой, пойманной за всю мою жизнь.

Никогда больше рыбацкое счастье мне так не улыбалось. Снова и снова мелькала в моем сознании последовательность видений от плавного погружения в воду тяжелого поплавка до моего победного вопля. А когда я, наконец, уснул, так мне и снилось то же самое. Так и провел я всю эту ночь с моим «сомиком».

Утром следующего дня я все еще был под впечатлением от вчерашних событий, не подозревая, что жизнь готовит мне новые испытания.

До обеда мы с дедом обкашивали траву вокруг нашего участка. У меня была своя маленькая коса, и к тому времени я уже наловчился с нею управляться. Хорошая была коса – острая и как раз под мой рост, только дедушкина пела и звенела, а моя нет. День был жаркий, и к обеду я здорово упарился. А после обеда дед отпустил меня на речку освежиться. Я шел к купальне торопливым шагом, иногда даже делая короткие пробежки, зная, что в это время там полно мальчишек и девчонок, понятия не имевших о моем вчерашнем рыбацком подвиге. Я уже представлял их вначале удивленно-недоверчивые, а затем поощрительно-восторженные и даже завистливые возгласы, которыми они встретят мой рассказ. Короче говоря, я спешил за славой. Вот, думалось, сейчас отыграю у злой судьбы несколько очков. Что-то в этом роде вертелось у меня в голове. Навстречу шел местный мальчишка, уже возвращавшийся с купальни, заполучив от речки свою долю летних детских радостей.

– Коль, слышал новость? – спросил он меня.

Судя по тону, каким был задан вопрос, он явно собирался меня чем-то огорошить. В голове мелькнуло: чтоб там за новость ни была, моя всяко поинтереснее будет.

– Какую?

– Ты представляешь, Витёк вчера сома на удочку поймал здоровенного! Батя его еле домой допер. Во, подфартило! Ну, Витька! Ну, рыбак! Всех переплюнул и за пояс заткнул.

Кровь ударила мне в голову. В глазах помутилось. Перехватило дыхание, а лицо, видимо, исказила гримаса.

– Коль, ты чо?

Наконец, я обрел дар речи.

– Слышь, ты чо мелешь? Какой Витька?! Это я вчера сома поймал!

– Ч-о-о-о?! – В вопросе прозвучало явное недоверие, граничащее с презрением.

– Ты сома поймал? Да ты, наверно, еще у деда под стол на горшок ходишь. Куда тебе сомов ловить? Ты и бубырей-то толком удить не умеешь. Слышал бы это Витька, он бы тебе наkostenял. Мальчишка, как и Витька, был примерно на два года старше меня. В моем возрасте – это большая разница. Для меня они были почти что небожители. К тому же оба деревенские, повязанные местечковой солидарностью и презрением к «городским», которым, конечно же, далеко до местных по части рыбалки, да и всему прочему тоже. Но я же не врал. Надо его убедить.

– Не веришь? Пойдем, найдем его, он тебе сам подтвердит. Мы же вместе вчера рыбачили.

– Хе-ге, – хмыкнул мальчишка, – ну, пойдем, он как раз на купальне загорает. Посмотрю я, как он тебе наподдаст.

Я рванул вперед. Мальчишка еле за мной поспевал. Что за ерунда? Неужели Витька наврал? – пронеслось у меня в голове. – Не может быть!

А если и так, то при мне же он врать не посмеет.

Витька, на драной подстилке лежал в самом центре крохотного деревенского пляжа.

Местные поддерживали здесь порядок. Не захламляли. Каждую весну подсыпали свежий песочек на берегу, а граблями вытаскивали из воды водоросли, очищая дно, чтобы заходить в воду было приятно.

Вокруг Витьки, кто ближе, кто подальше, загорало пять или шесть местных мальчишек и несколько девчонок. Рядом лежали ближайшие Витькины кореша и заинтересованно слушали его рассказ.

– Разрезали ему брюхо, а там рыбы – на целую сковородку бы набралось. Ну, отдали ее кошарам. То-то обрадовались.

Про моего сомика рассказывает, – догадался я. Накатила вчерашняя горечь и обида. Я подошел к нему и стал в двух шагах, закрывая солнце. Не торопясь и явно неохотно он повернулся ко мне.

– А, это ты... ЗдорОво.

– ЗдорОво. Слышь, Витёк, ты вот ему скажи, кто вчера сома поймал. А то он мне того... не верит.

Витька, не торопясь, приподнялся на локти, пожевал губами, пару секунд раздумывал, а затем, не глядя на меня, сказал то, что я боялся, но уже готов был услышать.

– Кто ж его мог поймать? Не ты же? Это тебе не окушков безмозглых из речки выдергивать. Сом – рыба серьезная. И вообще, отвали, давай, не закрывай солнце.

Ребятня захихикала. Я стоял, как вкопанный, а во мне бушевала буря. Да как же такое возможно?! Как можно так нагло врать, так меня перед всеми унижить?! Вчера у меня отобрали сома, а сегодня Витька отобрал его у меня второй раз, украл славу, похвалы и уважение местных пацанов, грязного речного ила набросал мне в душу. Как же я его ненавижу!!!

Я стоял, тяжело дыша, оцепенев от возмущения и горя, не зная, что делать дальше. Витька снова повернул голову ко мне. На лице застыла наглая, подленькая ухмылочка.

– Отвали, я сказал, ты ж не стеклянный.

И тут, неожиданно для меня самого, меня прорвало...

– Ах ты, сволочь! Сука поганая!!! Гнида, гнида! Ты поймал? Значит ты, гад, поймал?!

Ярость ослепила меня и понесла. Все, что я делал дальше, делал будто и не я. Стопой правой ноги, как лопаткой, я гребанул рыхлый песок и швырнул его прямо в ухмыляющуюся Витькину рожу. Попал в рот и в не успевшие закрыться глаза. Взыв, Витька рефлекторно вскинул руки к глазам, а я подъемом той же ноги ударил его в нос, торчавший между ладонями. Брызнула кровь... Тут же на меня набросились Витькины друзья. Образовалась «куча мала».

Драться толком никто не умел. Ну, какие драчуны из шести-семилетних деревенских мальчишек?! Ну, потолкаться там кулаками в плечи, ну подзатыльник отвесить тому, кто поменьше. Можно побороться и, оказавшись сверху, упереться коленом в грудь противника, который после этого сдавался. Если же вдруг появлялась кровь, то выяснение отношений сразу прекращалось. Нечаянно разбитого носа или треснувшей губы было достаточно, чтобы признать поражение. Крови, в общем-то, все боялись, так как, замарав ею майку или рубашку, можно было потом еще и от родителей за драку схлопотать. Но обычно обходились без драк. Все решали возраст и внешний вид, особенно рост.

Младшие добровольно подчинялись старшим, которые и габаритами обычно были покрупнее. Иерархия среди мальчишек устанавливалась как-то сама собой и лишь изредка корректировалась бескровными стычками длительностью в полминуты, а то и короче. А тут вдруг случилось такое, к чему, как оказалось, никто не был готов.

Я был в середине, а вокруг, бестолково сгрудясь, толкаясь и мешая друг другу, пытались побольнее меня ударить Витькины кореша. Но сделать это было непросто. У меня были могучие союзники. О, ярость! О, праведный гнев, удесятеривший мои силы! В этой куче детворы я был как ртуть подвижный и неустрашимый, как разъяренная кошка. Движимый каким-то мощным, внутренним мотором, я махал руками и наносил удары, почти не глядя, куда попало,

и почти всегда куда-то попадал. Лягался ногами, ногтями царапал каждую рожу, до которой мог дотянуться, зубами вгрызался в руки, пытавшиеся меня удержать. Кто-то подбил мне глаз, кто-то чуть не оторвал ухо, но это уже не могло меня утихомирить, а силы во мне были неуёмные. Я дрался за моего сомика, за мою маленькую, но такую важную для меня правду, за мое поруганное достоинство. А они влезли в это дело из тупой и несправедливой местечковой солидарности с этой сволочью-Витькой, который сейчас сидел в стороне, зажимая пальцами обильно кровоточащий нос. И им меня было не одолеть. Хотя мне и досталось, но и я их здорово потрепал. А когда еще кому-то случайно расквасил нос, они отступили. Куча распалась.

Тяжело дыша, сжав кулаки и зубы, я стоял в центре неправильного круга, готовый броситься на любого, кто сделает шаг в мою сторону. Но никто этого шага не сделал.

– Пацаны, да он взбесился, – сказал кто-то. – Ну его к черту, он мне чуть глаз не выдрал!

– А мне майку разодрал!

– А мне харю расцарапал.

– А у меня нос набок!

Фанфарами победителю звучала у меня в ушах эта переключка. Но инстинкт подсказывал: силы слишком неравны, и если они решатся вновь наброситься, то неизвестно, как дело обернется.

Мой главный обидчик так и сидел на песке.

Левой рукой он зажимал нос, а пальцами правой пытался очистить глаза от попавшего в них песка. Больше мне там нечего было делать.

Нагнув голову к груди и как бы изготавившись протаранить ею любое препятствие я сделал несколько решительных шагов в нужном мне направлении. Круг расступился. Задерживать меня никто не стал. Отойдя шагов десять, я остановился и обернулся. Все они смотрели на меня.

– Сомы поймал я, – четко выговаривая каждое слово, сказал я им, как плюнул.

Повернулся, ушел.

После этой драки деревенские мальчишки за глаза стали называть меня Колька Бешеный.

Дед, увидев меня побитого, помятого и взъерошенного, вначале здорово встревожился, но держался я бодренько, не ныл, а когда рассказал ему, что пострадал «за правду», за сомика, да еще, не удержавшись, похвастался двумя разбитыми носами, он мое поведение одобрил и даже, похоже, мной гордился.

– Какая яблоня, такие и яблоки, – сказал дед про Витьку и его отца. – Еще, гляди, и жаловаться на тебя придут. И как в воду глядел. Ближе к вечеру явился Витькин отец. Несмотря на бабушкины примочки подбитый глаз у меня к тому времени здорово заплыл, а ухо сильно распухло и горело огнем. Непрошенный гость смотрел на эти несомненные свидетельства моих физических страданий с нескрываемым удовлетворением.

– Ну, чо, паршивец, допрыгался... может еще и окривеешь, – предположил он. – Оно б и поделом. Это где ж такое видано – кидается на всех, как пес бешеный. Полребятни перекусал. Ты это, Тимофеич, доктору его, что ли, покажи. Может у него там, в башке, нелады какие. Пусть полечат.

– Не волнуйся ты за него. – Ответил дед.

– С ним все в порядке. Лучше о своем Витьке подумай, каким он человеком вырастет.

– А чо с ним не так? Пацан ловкий и мне в доме – первый помощник.

– Может оно и так, да только зачем он Кольку-то обидел, унизил перед пацанами, наврал всем будто это он сома поймал. А Кольке разве не обидно? Что ж это он брехун получается? Нельзя так.

Похоже, для Витькиного отца услышанное было новостью.

– Вот засранец, а мне про это ни гу-гу... Набросился, дескать, ни с того, ни с сего. Ой, ребятня – ребятня, хлопот с ними...

Он встал из-за стола.

– Ну ладно, пойду я. Вижу, ему и так перепало крепко, так что чего уж его ещё наказывать. Но ты смотри мне, – это уж он ко мне обратился со строгостью в голосе, – прекращай это... Что «это» он не уточнил.

– А то вырастешь бандит-бандитом... И посадят, и пропадешь в тюрьме. Ладно, пойду. Так была поставлена точка в этой истории. Больше деду никто на меня не жаловался.

Глаз у меня болел долго, но не окривел, и ухо постепенно приняло свои обычные форму и размер. А из деревенских мальчишек, сколько помню, больше меня пальцем никто не тронул.

Утомлённая

«Тебя я лаской огневою И обожгу, и утомлю» М. Пойгин.

Каждый раз при встрече она здорово меня распяляла. Мы не были знакомы, но довольно часто я видел её среди отдыхающих. Невозможно было её не заметить. Впервые я встретил её на третий день пребывания в кемпинге, где дожидался звонка от шефа, который, отправив жену с детьми в Сухуми, на бывшую сталинскую дачу, развлекался неподалёку со своей очередной «моделью». Нужно было ждать, когда ему это надоест, чтобы затем на новеньком шикарном мерсе отвезти их в Москву. По месту, не желая ненужных глаз, шеф раскатывал сам. А я был неподалёку для страховки.

– Отдыхай, парень, – сказал он, принимая ключи от мерседеса. – Неделька точно твоя. А затем будь, как пионер, всегда готов, то есть абсолютно трезв и во всеоружии. Это тебе бонус за московские перенапряги. В командировочных себя не стесняй, но и не хами особо. Всё, пока, через неделю в любой момент жди звонка. Далеко от цивилизации не забирайся, чтобы такси всегда было поблизости.

Она была, что называется, мой тип. Как писал Тао Юань-мин: «Не обмолвился словом, а душа уже опьянела». Женщина около тридцати, почти брюнетка, почти красotka и почти идеально сложена. Несколько случайно услышанных фраз грамотным построением и интонационным богатством выдавали умную женщину. И голос у неё был почти волшебный. Но ещё одно «почти» мешало немедленно с нею сблизиться. Они оба были почти, но всё же не совсем свободны.

При ней был спутник, которому на пару дней раньше повезло с ней встретиться. И времени он даром не терял. Объективности ради нужно было признать, что выглядел он неплохо, «но не орёл», и после двух-трёх её взглядов уже казалось, что теоретически у меня есть шансы.

Я тоже не одиночествовал, чему, её увидев, был совсем не рад. Любуясь ею, когда удавалось, я не знал, что делать.

В автобусе, увозившем нас с пляжа, мы оказались на сидениях друг против друга, и эта поездка была из тех, что запоминаются на-долго. Её спутник, разомлевший на пляже от солнца и тёплого пива, вскоре задремал, и моя подружка, будто с ним сговорившись, тоже по-дрёмывала. Но нам-то было не до сна. Жадно, проникновенно я погрузил свой взгляд в её глаза. И она их не отвела. «Мы глазами встретились, и это нам понравилось», – вспомнились слова модной тогда песенки. Наши взгляды вначале осторожно и сдержанно, а затем всё более и более откровенно и страстно как бы целовали друг друга невидимыми, но такими сладкими губами! Не сказав ни слова, мы ска-зали друг другу всё. Платья на ней было совсем немного и, скажу я вам, там было чем полюбоваться. Не таясь, я перевел свой снимающий остатки одежды взгляд пониже шеи и мне показалось даже, что её великолепная, слегка обильная грудь затрепетала и подалась мне на-встречу. Ниже... всё было тоже хорошо загорелым, пропорциональным и манящим. Кто-то развёл внутри меня большой костёр. В эти минуты я понял, что значит вожделение – это состояние предельной напряжённости чувства, провоцируемое ответным, но также не могущим осуществиться желанием. Напротив, в каком-то полуметре, сидела женщина прекрасная и вожделенно-желанная, и, судя по всему, тоже испытывала ко мне влечение. Наша простран-ственная близость, явные знаки взаимной заинтересованности и невозможность немедленного дальнейшего сближения дико меня напрягли.

Позднее я написал:

Теперь я знаю, что это за пытка:

Держать себя в тугих тисках приличий.

Пусть это удаётся мне отлично,
Но кто бы знал, какая это пытка!

Едва-едва заметно она улыбнулась и поддала этим жару. Желание стало настолько болезненно-острым и напряжённым, что я уже не знал, как с этим справиться, как удержаться от мучительного искуса. Хотелось схватить её за оголённые загорелые плечи, притянуть к себе, выпиться в её безмолвно просящие об этом губы... Но...

И это нельзя нам, и это...
О жизни такой ли мечтали?!
Придумав все эти запреты,
Счастливее люди не стали.

Как страстно, как обречённо-безнадежно хотелось нам такой невозможной малости – оказаться вдвоём.

Водитель автобуса тормознул немного резко.

Я и моя задремавшая спутница качнулись вперёд. Я почти коснулся своей «прекрасной незнакомки», почти...

На следующий день мы опять были на пляже.

Я сразу её заметил. Похоже, что и она искала меня взглядом. Её спутник увлечённо что-то рассматривал в бинокль. Возможно, выискивал кого-то получше своей подружки. Вскоре, однако, ему это надоело, и он начал играть в карты с соседями по топчанной лёжке. Мне показалось, что головой она подала мне знак, а затем пошла к воде. Я следил, как она всё дальше и дальше отплывала от берега. И понял: она приглашала меня поплыть за ней. Моя спутница плавала плохо, и я мог не опасаться, что она последует за мной.

– Пойду окунусь.

Уверенным кролем я нагнал её довольно далеко от берега.

– Здравствуй!

– Здравствуй!

Не нужно было больше ничего говорить. Мы взяли за руки и, одновременно сделав глубокий вдох, нырнули. Не глубоко, лишь бы не было видно, чем мы занимаемся. А мы пытались сделать то, что не смогли сделать вчера в автобусе – слиться воедино. Мы плотно переплелись руками и ногами и, отдаваясь безотчётному порыву, пытались поцеловаться. Ничего не получилось. Почти ничего... Наши губы всё же соединились, и, хотя поцелуй был скорее символическим, он всё же много значил для нас, подтверждая единство наших устремлённостей друг к другу.

– Умираю, так хочу тебя.

– Я тоже.

Мы снова нырнули. Я опустил её символический топик пониже и в чистейшей морской воде, пронизанной обильными лучами солнца, увидел красивейшую грудь на свете. Как мог я поцеловать это великолепие, а затем, повинуясь притяжению изысканнейших линий и легкого колыхания манящим волшебством наполненных объёмов, прижался лицом к этому нежному и трепетному чуду. Она обхватила мою голову руками и ещё сильнее прижала к себе. Я думал, что рехнусь. Чёрт бы побрал это море! Что бы я ни отдал тогда за крохотный уединённый кусочек суши для нас двоих! Я завёлся и уже готов был на всякие безумства. К счастью она лучше владела собой.

– Не дури. Утонем.

– Давай утонем!

– Зачем, милый, лучше придумаем что-нибудь.

Остатками здравого смысла я с огромным трудом взнуздал свои шальные чувства и, наконец, разум ко мне вернулся: «Она права».

– Давай расплывёмся ненадолго. Возможно, он снова взялся за бинокль.

Мы отплыли друг от друга метров на десять и с этого расстояния обменивались радостными взглядами и улыбками. Но долго быть порознь мы не могли и вскоре снова сплылись. Опять мы ныряли, обнимались и ласкали друг друга под водой, насколько это было возможно.

– Кто он тебе?

– Да так, здесь познакомились, пока тебя не было.

– Ты можешь его послать?

– Ну... могу, наверно. Но не уверена, что стоит.

– А для уверенности что нужно?

– Нужно знать, чего ты от меня хочешь.

– Я тебя хочу, и у меня осталось для этого максимум три дня.

– А потом?

– Потом я уже не буду себе принадлежать ни здесь, ни в Москве, куда уеду.

– Ну что ж, ответ честный и исчерпывающий. Видишь ли, я тоже тебя хочу, вот прямо сейчас бы тебе отдалась. Но три дня мне мало. Я уже не девочка, мне пора в тихую гавань. Есть у тебя тихая гавань для меня?

– Нет.

– Вот видишь... так что не буду я его посылать. Он как бы серьёзно в отношении меня настроен. Не женат. Зовёт с собой, обещает любить и холить. И мне он нравится, хоть и не так, как ты.

Я снова увлёк её под воду, где с нежной силой мял, тискал и прижимал к себе её прекрасное тело. Стало только хуже, градус неудовлетворённости повысился, и мне казалось, что море вот-вот закипит вокруг нас. Мы едва не задохнулись, так не хотелось всплывать. Отдышавшись я спросил:

– Ну и что же нам делать? Ты ведь хотела что-то придумать.

– Уже придумала, если ты от своей подружки сможешь отлипнуть ночью.

– Думаю, что смогу.

– Тогда слушай. По соседству санаторий. У меня там знакомая – старшая медсестра. У неё ключи от процедурной. Ну а ночью какие процедуры?! Своему я скажу, что нездорова, и мы сможем встретиться.

– Понятно. Вариант отработанный, – сказал я с неожиданно прорвавшейся ревнивой ноткой.

– Милый, не будь занудой. Ты же меня хочешь?

– Ещё как!!!

Мы снова нырнули...

– Слушай, мне придётся уехать этой ночью. Ситуация изменилась, нужно получить новые инструкции.

– А по телефону нельзя?

– Нельзя.

– Ну да, понимаю, вы люди государственные, – сказала она, даже не пытаясь скрыть сарказма в голосе. – Только дуру из меня не надо делать. Видела я, как вы друг на друга пялились.

– О чём это ты?

– Не о чём, а о ком. О той шикарной брюнетке, с которой ты плавал в сторону горизонта.

– Не фантазируй. Ты же видела, она не одна.

– То же мне аргумент. Голь на выдумки хитра. Да не парься ты! Я всё понимаю. Я тебе подружка «на недельку, до второго...». А при необходимости срок можно и сократить. Только

обманывать меня не надо. От этого больнее. Ты свободен. Мне хорошо с тобой было. Похоже, что и ты не скучал. Но человек, как известно, ищет, где лучше, вот ты и нашёл. Всё, я пошла.

Она развернулась и зашагала в сторону домика, в котором жила с другими отдыхающими девушками.

– Погоди.

Она остановилась и обернулась в мою сторону.

Я подошёл.

– Ты извини, что так вышло. Кто мог знать... Но ты классная девчонка и, как я теперь вижу, большая умница.

– Да ладно тебе.

Она чмокнула меня в щёку и ушла.

Если уж расставаться, то со всеми девушками я хотел бы расставаться именно так...

Я ждал на лавочке в условленном месте и маялся от нетерпения. Пора бы уж ей придти, а всё нет. Мысль о том, что что-то может помешать нам встретиться, здорово напрягала. Послышались чьи-то шаги. Сердце радостно, но напрасно встрепелось: шаги были явно не одного человека. Мужчина и женщина, не торопясь прошла мимо. Вот и ещё шаги торопливо идущего одинокого человека. И это была она. В обрамлении лунного и звёздного сияний вместе с этой красивой женщиной ко мне приближалось томительное предощущение счастья.

Я бросился ей навстречу...

В процедурной, куда мы попали, пройдя коридор, которому, казалось, не будет конца, мы не стали медлить. Смотровой топчанчик у стены был застелен чем-то типа туристического коврика. Я сорвал его и бросил на пол. Кушетка нам явно не подходила. Тут же я принялся её раздевать, хотя снимать особо было нечего. И вскоре «На тебе надеты были только сумерки одни» – вспомнились мне стихи моего друга.

Ещё до того, как я расстегнул на ней первую пуговку, я задал себе установку: «Спокойно. Всё нужно делать спокойно. Возможно, другой ночи у тебя не будет, а потому эта должна быть прекрасной. Мы оба должны её запомнить.

Вспоминая друг о друге, мы будем вспоминать эту ночь. Значит, нужно, чтобы было о чём. Это будет прекрасно, и прекрасное должно будет длиться, длиться и длиться пока ты не умрёшь. А если и останешься жив, то лишь потому, что заслужил это, сделав её сегодня счастливой. Её счастье – вот твоя цель и залог собственного».

Мне удалось взять себя в руки, и начальная нервная дрожь нетерпения исчезла, пока я мысленно проговаривал свою установку. Лёгкими касаниями подушечек пальцев я гладил её там, где нужно, наслаждаясь очертаниями её тела, закрепляя и усиливая растущее её возбуждение легчайшими поцелуями. Наши губы находили друг у друга всё, что хотели найти. Вот от нежнейшей ласки соски на её груди стали каменными, и уже не было у неё сил, чтобы сдерживать стоны. И они были настоящими, не теми, что издают находчивые дамочки, дабы ублажить самолюбие партнёра по сексуальным играм. Вскоре мы почти до смерти зацеловали и заласкали друг друга. Она пылала и стала влажной. Глаза её были почти закрыты, но вдруг ши-роко распахнулись и блеснули влагой, удивлением и предвкушением близкого уже чувственного восторга.

– Я готова, милый, прошу тебя...

Я тоже был почти готов, но на этом намеревался задержаться. Я сливался с ней нежно и томительно медленно, так что в конце она уже сама, обхватив меня, прижала к себе нетерпеливо и сильно, до дрожи в руках. Но это была обманка.

Следующие несколько движений были контрастно сильными, мощными и резкими, и несколько раз я повторил такое чередование. Забывшись, она громко застонала, и я даже

начал опасаться, что нас могут услышать. Прикрыв ей рот рукою и ласково покусывая мочку уха, я шепнул ей:

– Тише, милая. Мы не дома.

И в этот момент, то ли вскрикнув, то ли всхлипнув, она вцепись зубами в мою ладонь, затрепетала и «поплыла». Но я, как ни трудно было, сдержался и себе трепетать не позволил. Немного отдышавшись, она шевельнула рукой и, ненамеренно коснувшись моего всё ещё напряжённого друга, с недоумением в голосе спросила.

– Слушай, а ты почему не...?

– Не думай об этом. Главное, чтобы тебе было хорошо. Если женщина мне нравится до такой степени, как ты, я не спешу и присоединяюсь к ней на втором или даже третьем круге.

– Что-о-о????!! Да ты, видно, до смерти решил меня тут затра... ь? – спросила она удивлённо, недоверчиво и рассмеявшись на последнем слове.

– Ты о тантрическом сексе что-нибудь слышала?

– Нет, не довелось.

– А мне довелось. Из Индии это всё пришло. А мудрецов у них, как у нас прохвостов. Правда и народу там побольше живёт. Ну так вот, суть в том, что, по мнению тантристов, человек не должен разбазаривать свою сексуальную энергию. Её следует расходовать или на воспроизведение потомства или сублимировать в творческие импульсы, а просто так кончать, как у нас принято, это примитивизм и дурь. Тантристы, регулярно занимаясь любовью, доводят всё до полного завершения два-три раза в месяц к великой радости своих партнёров. И сексуальные игры их длятся часами. Вот и я хочу с тобой так же.

– Так ты тантрист?

– Да нет, этому всю жизнь нужно посвятить. Я для этого недостаточно фанат. Но кое-что по мелочи из их практик освоил. Вот, ты как-будто довольна.

– Как-будто?! Ну, ты даёшь! Да у меня в жизни такого секса не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.